

KEN
FOLLETT

The Evening
and
the Morning

Памяти Э.Э.

Когда Римская империя пришла в упадок, Британия погрузилась во тьму безвременья. Римские виллы ветшали и рушились, а местные жители принялись строить деревянные дома в одну комнату и без дымоходов. Технология изготовления глиняной утвари, столь важная для хранения пищи, по большей части забылась, да и грамотных почти не осталось.

Этот период называют порой темными веками, и растянулся он на мучительно медленные пятьсот лет.

А затем все наконец начало меняться...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВАДЬБА

997 год н.э.

1

Четверг, 17 июня 997 г.

Не так-то просто не спать всю ночь, даже если это важнейшая ночь в твоей жизни — Эдгар познал эту истину на собственном опыте.

Он расстелил накидку поверх тростника на полу и улегся, не снимая длинной шерстяной рубахи до колен; кроме нее, иной одежды у него не было, а рубаху эту он летом носил днем и ночью. Зимой Эдгар для тепла кутался в накидку и ложился поближе к огню. Но сейчас-то было тепло, до середины лета оставалась всего неделя.

Эдгар никогда не путался в днях, не то что большинство — им приходилось спрашивать священников, которые вели счет времени. Эрман, старший брат Эдгара, однажды спросил: «Откуда ты знаешь, что наступила Пасха?» Эдгар ответил: «Потому что нынче первое воскресенье после первого полнолуния после двадцать первого дня марта, вот откуда». Задираться было ошибкой, недаром Эрман крепко двинул ему кулаком в живот за эту дерзость. Все случилось много лет назад, когда Эдгар был маленьким. Теперь он вырос. Через три дня после летнего солнцестояния ему исполнится восемнадцать. Братья давно перестали его колотить.

Юноша покачал головой. Мысли путались, клонило в сон. Он лег по-другому, чтобы было неудобно, оперся на кулак, чтобы не заснуть.

Знать бы еще, как долго предстоит ждать.

Эдгар покрутил головой, оглядывая помещение в свете очага. Его дом мало чем отличался от прочих домов городка Кум: стены

из дубовой древесины, соломенная крыша и земляной пол, частично покрытый тростником, который нарвали на берегах близлежащей реки. Окна отсутствовали. Посреди помещения был выложен камнями очаг. Над тлевшими угольями стояла железная тренога, на которую вешали утварь для готовки, и ее ножки отбрасывали причудливые тени на изнанку крыши. В стенах торчали, куда ни посмотри, деревянные колышки — для одежды, для кухонной утвари и для плотницких инструментов, с помощью которых мастерили лодки.

Эдгар не ведал, сколько времени прошло, он же мог задремать, сам того не заметив. Но точно уже глубокая ночь. Вечером было слышно, как городок устраивается на ночлег: пара бражников распевала непристойную песенку, в соседнем доме ссорились муж и жена, бросая друг другу упреки, неподалеку хлопали двери, лаяла собака и где-то рыдала женщина. А сейчас царила тишина, и единственным звуком была навевавшая дремоту колыбельная речных волн. Юноша повернул голову к двери, проверяя, нет ли по краям предательских полос света, но не увидел ничего, кроме темноты. Значит, либо луна закатилась и близится утро, либо небо затянули облака. Впрочем, ему-то какая разница...

Остальные члены семьи улеглись вдоль стен, там меньше чадило. Отец и мать лежали спиной к спине. Иногда они просыпались посреди ночи и обнимались, перешептывались и двигались заодно, а потом откатывались друг от друга, тяжело дыша; но сейчас родители крепко спали, папаша громко храпел. Двадцатилетний Эрман, старший из сыновей, прикорнул поблизости от Эдгара, а средний, Эдбальд, забился в уголок. Эдгар слышал их ровное, спокойное дыхание.

Наконец прозвонил церковный колокол.

На дальней окраине городка располагался монастырь. Монахи знали способ измерять время ночью: они делали большие свечи с насечками и по этим насечкам, когда свечи сгорали, определяли, который час. За час до рассвета звонил колокол, созывая монастырскую братию к заутрене.

На всякий случай Эдгар еще полежал в неподвижности. Колокол вполне мог разбудить маму, которая вообще спала очень чутко. Юноша выждал, сколько смог, чтобы матушка снова погрузилась в глубокий сон. А потом ловко поднялся.

Бесшумно подобрал накидку, взял башмаки и пояс, на котором висел кинжал в ножнах. Босиком пересек помещение, глядя в оба,

чтобы не наткнуться на мебель — стол, два табурета и скамью. Дверь открылась беззвучно: накануне вечером Эдгар щедро смазал деревянные петли овечьим жиром.

Пробудись вдруг кто-то из членов семьи и оклики его, он бы сказал, что идет на улицу помочиться, а про себя молился бы, чтобы никто не заметил башмаков у него в руках.

Эдбальд что-то пробормотал, и Эдгар замер. Неужто брат проснулся? Или просто разговаривает во сне? Поди разбери... Ладно, Эдбальд не станет поднимать шум, он всегда норовит увильнуть от домашних склок, прямо как папаша. Даже если не спит, ничего выяснять он не будет.

Эдгар выскользнул наружу и осторожно закрыл за собой дверь.

Луна и вправду зашла, но на ясном небе сверкали звезды, серебряный песок у реки. Между домом Эдгара и отметкой прилива стояла мастерская. Папаша строгал лодки, и все трое сыновей трудились под его началом. Он знал толк в ремесле, но вот дела вел никудышно, а потому всеми денежными вопросами ведала матушка, особенно когда требовалось понять, сколько просить с заказчика за такую трудоемкую и непростую работу, как строительство лодки. Если заказчик пытался торговаться и сбивал цену, папаша, дай ему волю, наверняка бы поддался, однако матушка зорко следила за тем, чтобы такого не случилось.

Эдгар надел башмаки, нацепил на себя пояс с кинжалом и огляделся. Во дворе мастерской угадывалось одно-единственное суденышко, малая гребная лодка, способная ходить против течения. Рядом громоздился внушительный штабель драгоценной древесины — стволы поделены на половинки и четвертинки, из которых будут выстругивать части новых лодок. Приблизительно каждый месяц все семейство отправлялось в лес и валило зрелый дуб. Папаша с Эдгаром начинали первыми, попеременно махали топорами на длинных рукоятях, подрубая ствол под нужным углом. Затем они садились отдыхать, а за дело брались Эрман и Эдбальд. Когда дерево падало, ветви обрубали и сплавляли ствол по реке до Кума. Разумеется, приходилось платить, ведь лес принадлежал тану*

* Тан (также тэн) — дворянский титул в англосаксонской Англии. Танами именовались владетели, получавшие земли от короны и обязанные при необходимости нести военную службу и уплачивать подати в королевскую казну. Помимо короля, наделять своих соратников землями и тем самым превращать в танов имели право также эрлы (англосаксонские графы). Титул и полномочия тана считались наследственными, но наследование предусматривало королевское одобрение. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Уигельму, которому большинство жителей Кума уплачивало подать, а тан брал по двенадцать серебряных пенни за каждое дерево.

Помимо штабеля древесины, во дворе находились бочка со смолой и точильный камень, подле которого валялся на земле моток веревки. Все это добро сторожил посаженный на цепь мастиф Грендель, черный пес с сизой мордой, уже слишком старый, чтобы по-настоящему напугать воров, но все еще способный поднять тревогу. Грендель лежал тихо, опустив голову на передние лапы, и равнодушно смотрел на Эдгара. Юноша присел и погладил пса по голове.

— Прощай, старина, — пробормотал он, и Грендель, не вставая, завил хвостом.

На краю двора притаилось готовое судно, которое Эдгар считал своей собственностью. Он сам построил эту лодку, стараясь придать ей подобие ладьи викингов. Нет, самих викингов он никогда не видел — те на его памяти набегов на Кум не совершали, — но два года назад на берег выбросило обломки, почерневшие от огня, с наполовину расколотой носовой фигурой, в которой можно было опознать драконью голову. Видно, ладья не пережила битву. Эдгара потрясла обезображенная красота корабля — манящие глаз обводы, узкий и длинный нос, тонкие, но прочные стенки. А больше всего юношу поразила увесистый киль вдоль днища; после некоторых размышлений юноша понял, что эта штуковина придает кораблю устойчивость и позволяет викингам ходить по морям. Свою лодку он тоже наделил килем, на ней имелись два весла и мачта для небольшого квадратного паруса.

Эдгар твердо знал, что у него есть дар к ремеслу. Братьев он уже обошел, а скоро, пожалуй, и папашу обставит. Некое чутье словно подсказывало ему, как соединять отдельные части, чтобы получалось надежное целое. Несколько лет назад он подслушал, как папаша говорит матушке: «Эрман учится медленно, Эдвальд куда шустрее, но Эдгар, по-моему, схватывает суть раньше, чем я хоть слово скажу». Так оно и было на самом деле. Некоторым людям от рождения дано особое умение: они берут в руки дудку или барбит* и, пусть ни разу прежде на них не играли, начинают вдруг извлекать мелодию. А Эдгар сызмальства разбирался в строительстве лодок и домов. Бывало, он говорил: «Эта лодка будет крениться на правый борт» или «Эта крыша протечет» — и неизменно оказывался прав.

* Барбит — щипковый струнный инструмент, разновидность лиры.

Юноша отвязал лодку и толкнул ее по песку к воде. Шорох дерева был заглушен плеском набегавших на берег волн.

Внезапно донеслось девичье хихиканье, и Эдгар резко обернулся. При свете звезд он разглядел неподалеку обнаженную девицу, распростертую на песке, и голого мужчину сверху. Наверное, кто-то из знакомых, но лиц не рассмотреть. Эдгар поспешно отвел взгляд, не желая смущать любовников, которых застал врасплох. Девушка совсем молоденькая, а мужчина, возможно, из женатых. Да, церковь не одобряла прелюбодеяние, но люди далеко не всегда соблюдали правила.

Эдгар отвернулся и спустил лодку на воду. Он оглянулся на дом, ощутил укол сожаления. Доведется ли ему увидеться с родными снова? Это единственный дом, который он помнил, хотя сам, как ему рассказывали, родился в другом месте, в Эксетере, где папаша трудился в подмастерьях; потом, когда Эдгар был еще младенцем, семейство перебралось в Кум, и папаша открыл собственную мастерскую гребных лодок. Из раннего детства Эдгар не помнил ровным счетом ничего, так что здешний дом был для него единственным — и сейчас он покидал его навсегда.

Ему посчастливилось найти работу в другом месте. Вообще с заказами на лодки стало туго после того, как возобновились набеги викингов на юг Англии — Эдгару тогда исполнилось девять. Морские разбойники наводили такой страх, что торговля и рыбная ловля пришли в упадок, лодки нынче покупали лишь отчаянные смельчаки.

В гавани, если не подводило зрение, стояло всего три корабля: две рыбацкие лодки ловцов сельди и франкское торговое судно. Впрочем, на берегу виднелись очертания корабликов поменьше, речных и прибрежных. Одну лодку, вон ту, Эдгар точно помогал строгать местному рыбаку. Но все равно это ерунда, а вот раньше в порту непременно было с дюжину кораблей или даже больше.

С юго-запада, как чаще всего здесь и происходило, налетел порыв свежего ветра. Поднять, что ли, парус? Тот был маленьким, ибо паруса стоили дорого: на изготовление полноразмерного паруса для морского судна одной швее требовалось четыре года. Нет, для короткого перехода по заливу разворачивать парус бессмысленно. Эдгар взялся за весла, благо сил ему было не занимать, с его-то телосложением, плотным, как у кузнеца. Отец и братья тоже выделялись среди местных своими мышцами. Еще бы — дни напролет, шесть дней в неделю, они махали топорами, налегали на тесла и крутили буравы, придавая нужные очертания дубовым до-

скам, из которых строились лодки. Тяжелая работа делала мужчин по-настоящему сильными.

Эдгар приободрился. И так, он сбежал. Его ждала встреча с женщиной, которую он полюбил. Звезды ярко сверкали, песок словно светился, а росчерки пены от весел на воде напоминали девичьи волосы, ниспадающие на плечи.

Ее звали Сунгифу, обычно это имя сокращали до Сунни, и она была подлинным совершенством во всех отношениях.

Вдоль берега тянулась полоса строений, в основном рыбацких сараев, мастерских и торговых складов: вон кузница жестянщика, который снабжал корабелов поделками, что не боялись ржавчины; вон длинная постройка, в которой плели канаты; вон громадная печь смоляра, в которой обжигали сосновые стволы и добывали липучую смолу для обмазки корабельных швов. С воды городок Кум выглядел большим, в нем проживало несколько сотен человек, и большинство из них добывало средства к существованию, прямо или косвенно, за счет моря.

Эдгар бросил взгляд вперед, на дальний берег. В темноте он, конечно, не разглядел бы Сунни, даже выйди та ему навстречу — а она вряд ли придет заранее, ведь встретиться договорились на рассвете. Но юноше было приятно смотреть туда, где вскоре должна появиться его возлюбленная.

Сунни исполнился двадцать один год, она была старше Эдгара больше чем на три года. Все случилось в тот самый день, когда он сидел на берегу и рассматривал обломки ладьи викингов. Да, они сталкивались и раньше — Эдгар знал в лицо всех жителей своего крохотного городка, — но до того он как-то к ней не приглядывался и ничего не знал о ее семье. «Тебя что, тоже на берег выбросило? — спросила она. — Ты сидел тут и не двигался, я приняла тебя за корягу». Он сразу понял, что эта женщина обладает богатым воображением, раз ей пришло в голову это сравнение. Эдгар стал объяснять, чем его привлекли обломки, чувствуя, что она поймет. Они проговорили целый час, и юноша влюбился.

Потом она призналась, что замужем, но было уже поздно.

Ее мужу, Кинерику, было тридцать лет. Ее выдали замуж в четырнадцать. Кинерик владел небольшим стадом дойных коров, и Сунни умело управляла молочным хозяйством. С ее деловой хваткой она приносила мужу много денег. Детей у них не было.

Эдгар быстро догадался, что Сунни ненавидит Кинерика. Каждый вечер после дойки тот ходил в таверну под названием «Моря-

ки» и напивался до поросячьего визга. Пока ее муж предавался этому занятию, Сунни сбегала в лес и встречалась с Эдгаром.

Правда, отныне прятаться больше не придется. Сегодня они сбегут — вместе, точнее, уплывут вдвоем. Эдгару предложили работу и дом в рыбацкой деревне в пятидесяти милях по побережью от Кума. Ему повезло отыскать корабела, который нуждался в рабочих руках. У Эдгара не было денег — никогда не было, матушка повторяла, что ему деньги ни к чему, — однако все свои инструменты он сложил заблаговременно в ящик на лодке. Скоро начнется новая жизнь.

Едва народ сообразит, что они с Сунни сбежали, Кинерик будет вправе жениться снова. Жена, сбежавшая с другим мужчиной, тем самым объявляла о разводе, церковь, конечно, такого не одобряла, но обычай есть обычай. По словам Сунни, через несколько недель Кинерик наверняка отправится в сельскую местность и разыщет там какую-нибудь нищую семью с милостивой четырнадцатилетней дочерью. Эдгар порой задавался вопросом, зачем этому мужчине вообще жена: Сунни говорила, что плотские радости его интересовали мало. «Ему нравится, когда кто-то есть рядом, — пояснила она. — Но беда в том, что я повзрослела достаточно, чтобы начать его презирать».

Кинерик не станет их преследовать, даже если узнает, куда они перебрались, — а этого можно не опасаться, по крайней мере в ближайшее время. «Если мы ошибаемся, если он все-таки бросится нас искать, я выбью из него всю дурь», — заявил однажды Эдгар. По выражению лица Сунни было понятно, что она сочла эти слова глупым хвастовством. Разделяя ее чувства, он тогда поторопился добавить: «Но вряд ли до этого дойдет».

Эдгар добрался до дальнего берега, выволок лодку на песок и привязал к валуну.

Он слышал пение молящихся монахов. Монастырь был совсем близко, а в нескольких сотнях ярдов за ним стоял дом Кинерика и Сунни.

Присев на песок, юноша смотрел на темное море и ночное небо и думал о возлюбленной. Сможет ли она ускользнуть из дома так же легко, как удалось ему? Что, если Кинерик проснется и помешает ей уйти? Может начаться драка, ее могут изрядно поколотить. Внезапно возникло искушение все изменить — прямо сейчас вскочить, побежать к ней домой и забрать Сунни силой.

Он сумел подавить это желание. В одиночку она управится лучше. Кинерик наверняка забылся пьяным сном, а Сунни ловкая, как кошка. Она сказала, что ляжет спать, надев на шею свое единственное украшение, серебряную подвеску с затейливой резьбой на кожаном ремешке. В сумку на поясе она собиралась положить иглу с нитками, полезную вещь в пути, а на голову повязать расшитую холщовую ленту, которую обыкновенно носила по особым случаям. Как и Эдгар, она способна выбраться из дома всего за несколько мгновений.

Скоро она будет здесь — глаза блестят от волнения, гибкое тело прижимается к нему... Они обнимутся, обхватят друг друга крепко-крепко, сольются в страстном поцелуе; затем она сядет в лодку, а он столкнет суденышко в воду, и они поплывут к свободе. Отдалившись от берега, он снова ее поцелует, это уж точно. Сколько они вытерпят, прежде чем заняться любовью? Сунни ведь нейдет ничуть не меньше, чем ему самому. Пожалуй, надо выйти на веслах за мыс, там бросить в воду камень на веревке, служивший якорем, а дальше они улягутся прямо на дно лодки; конечно, будет немного неудобно, но кому какое дело? Лодка станет мягко качаться на волнах, и они ощутят голой кожей тепло восходящего солнца.

Или же будет разумнее поставить парус и отойти подальше от города, а уже потом рискнуть остановиться. К наступлению дня хотелось бы очутиться совсем далеко. Разумеется, будет непросто устоять перед соблазном, если Сунни окажется так близко, если она, глядя на него, счастливо улыбнется. Но куда важнее обеспечить их совместное будущее.

Они решили по прибытии в свой новый дом сказать, что уже женаты. До сих пор им не довелось ни разу спать в одной постели. Но с этого дня они каждый вечер будут вместе ужинать, ночи станут проводить в объятиях, а утром будут понимающе улыбаться друг другу.

Эдгар заметил проблеск света на горизонте. Рассвет вот-вот наступит. Значит, Сунни может появиться в любой миг.

Мысли о расставании с семьей все же навевали грусть. Эдгар ничуть не сомневался, что прекрасно проживет без своих братьев, которые до сих пор относились к нему как к глупому несмышленишу и пытались делать вид, будто они умнее, потому что старше. Но он будет скучать по папаше, который с детства рассказывал ему много полезных вещей: «Как бы хорошо ты ни приладил две доски

вместе, их стык всегда будет самым слабым местом». А уж расставание с матушкой и вовсе вызвало слезы на глазах. Она была сильной женщиной. Когда что-то шло не так, она не тратила время на сетования и оплакивание своей судьбы — нет, она решительно бралась за дело, чтобы все исправить. Три года назад папаша подхватил лихорадку и чуть не умер, а матушка взяла на себя управление мастерской: указывала трем сыновьям, что и как делать, собирала долги и следила за тем, чтобы покупатели не вздумали отменять заказы; так продолжалось, пока папаша не выздоровел. Она была вожаком, причем не только в семье. Папаша входил в совет двенадцати старейшин Кума, но именно матушка Эдгара повела за собой горожан, когда тан Уигельм вдруг решил повисить подати.

Пожалуй, все эти мысли побудили бы остаться, но счастливое будущее с Сунни перевешивало.

Неожиданно Эдгар различил в тусклом утреннем свете что-то странное на воде. Он с детства отличался остротой зрения и привык выглядывать корабли на расстоянии, никогда не путал их очертания с гребнями высоких волн или нависающими над морем облаками. Но теперь все казалось каким-то смутным. Он напряг слух, стараясь уловить отдаленные звуки, однако расслышал лишь неумолчный плеск прибоя.

Минуло несколько ударов сердца, и ему почудилось, будто он видит голову чудовища. По спине пробежал холодок. В призрачном свете над водой словно проступили заостренные уши, здоровенные челюсти и длинная шея.

Мгновение спустя он понял, что видит не просто чудовище, а нечто худшее: это ладья викингов с головой дракона на длинном изогнутом носу.

В поле зрения появился второй корабль, потом показались третий и четвертый. Они шли под парусами, подгоняемые усиливающимся юго-западным ветром, споро разрезая волны.

Эдгар вскочил на ноги. Викинги — значит разбойники, насильники и убийцы. Они нападали на побережья и совершали походы вверх против течения рек. Они сжигали города, хватали все, что могли унести, и убивали всех, кроме молодых мужчин и женщин, которых брали в плен и продавали в рабство.

Юноша немного помедлил.

Теперь он видел десять кораблей. Выходит, на борту не менее пятисот викингов.

Может, это все-таки не викинги? Другие корабели перенимали у северян их новшества, старались воспроизвести их самостоятельно, как поступал сам Эдгар. Но он ощущал разницу: в настоящих северных ладьях присутствовала какая-то скрытая угроза, которую не удавалось повторить никому из подражателей.

В любом случае, кто еще мог подкрадываться к берегу на рассвете в таком количестве? Сомневаться не приходилось.

На Кум надвигались силы преисподней.

Надо предупредить Сунни. Если он успеет добраться до нее вовремя, у них еще останется возможность улизнуть.

Эдгар виновато поежился. Все так, его первая мысль была о Сунни, а не о семье. Но родных тоже нужно предупредить. Правда, до них далеко, до Сунни гораздо ближе. Начнем с нее.

Юноша опрометью бросился по берегу, поглядывая под ноги, чтобы не споткнуться в утренних сумерках. Какое-то время спустя остановился и посмотрел на море. Господи, до чего же резвы эти викингские ладьи! На палубах зажглись факелы, ладьи стремительно приближались, одни преодолевали полосу прибоя, а другие уже вылетали на песок. Высадка началась!

Но почему до сих пор не слышно ни звука? Эдгар по-прежнему различал голоса монахов, поглощенных молитвами и не ведающих о грозящей им участи. Они также должны знать... Но ведь он не сможет предупредить всех.

Или сможет? Взглянув на монастырскую колокольню, которая возвышалась на фоне светлеющего неба, Эдгар сообразил, что есть способ предупредить сразу всех — и Сунни, и родных, и монахов, и остальной город.

Он ринулся в сторону монастыря. Из темноты проступила невысокая ограда, и он перепрыгнул через нее, не замедляя шага. Споткнулся, но устоял на ногах и побежал дальше.

У дверей церкви Эдгар оглянулся. Монастырь располагался на небольшом холме, с вершины которого были видны город целиком и залив. Сотни викингов бодро шлепали по отмели на берег и направлялись к городу. Вот загорелась высушенная летним солнцем солома на одной крыше, вот запылала вторая, за ней еще и еще. Юноша знал наперечет все дома в городе и их владельцев, но в тусклом утреннем свете было не понять, какие именно дома горят. Быть может, он опоздал и польхает его собственный дом?

Он распахнул двери. Неф церкви купался в неверном свете свечей. Голоса монахов утратили слитность — один за другим они

умолкали, наблюдая, как Эдгар бежит по проходу. Юноша заметил болтающуюся над полом веревку, схватил ее и резко дернул. К его ужасу, колокол не откликнулся.

Один из монахов отделился от остальных и зашагал к нему. Бритую макушку окружали светлые пряди, по которым Эдгар узнал приора Ульфрика.

— Уйди отсюда, глупый мальчишка! — возмущенно велел настоятель.

Эдгар не стал вдаваться в объяснения.

— Нужно ударить в колокол! — выпалил он в отчаянии. — Почему он не звонит?

Служба прервалась, теперь уже все монахи смотрели на него. Подошел второй из братии, кухонный работник Мервинн, более молодой и не такой напыщенный, как Ульфрик.

— Что стряслось, Эдгар? — спросил он.

— Викинги здесь! — Эдгар вновь схватился за веревку. Раньше он ни разу не пробовал ударить в церковный колокол, и вес махины неприятно его удивил.

— О нет! — простонал Ульфрик. Выражение лица приора сменилось с недовольного на перепуганное. — Боже Всемогущий, спаси и помилуй нас!

— Ты уверен, Эдгар? — уточнил Мервинн.

— Я видел их с берега!

Мервинн подбежал к двери и выглянул наружу. Когда он обернулся, стало видно, что от лица отхлынула кровь.

— Мальчик прав, — проговорил он.

— Бегите! — завопил Ульфрик. — Немедленно!

— Стойте! — возразил Мервинн. — Эдгар, продолжай дергать за веревку. Чтобы колокол зазвонил, понадобится несколько рывков. Давай, у тебя получится. Братья, они скоро будут здесь. По-заботьтесь об имуществе, берите реликварии с останками святых, затем драгоценные украшения и книги. И бегите в лес.

Эдгар буквально повис на веревке, поджимая ноги, и мгновение спустя над монастырем раскатился звон огромного колокола.

Ульфрик схватил серебряный крест и бросился прочь, остальные монахи вели себя по-разному: одни спокойно собирали церковные драгоценности, другие метались из угла в угол и заламывали руки.

Колокол пришел в движение, звон гремел снова и снова, а Эдгар отчаянно дергал за веревку, вкладывая в каждый рывок вес своего тела. Он хотел, чтобы горожане сразу догадались — это не